

- Как вкусно-о-о! – Радостно протянул последние звуки мальчик, сверкая своими бриллиантовыми глазами и широкой счастливой улыбкой. – Сестрёнка, что это за батончик?!

Откусив от упомянутой сладости ещё раз, ребёнок лет двенадцати на вид обернулся к беловолосой молодой девушке, на чьих устах блистала самодовольная и горделивая ухмылка. Впрочем, на её аристократически бледноватых щёчках отмечался взволнованный румянец, девица явно желала узреть именно такую реакцию. Хмыкнув и приосанившись, она высокомерно произнесла:

- Это Йуми! Я взяла своему маленькому непутёвому братцу самое лучшее, что только было во всех магазинах Японии! Так что покажи почтение этой госпоже, хм! – Особа комично надула щёки и прикрыла глаза, выражая всю степень довольства собой, которую она только испытывала.

Сцена со стороны выглядела какой-то абсурдной и крайне экспрессивной. Чего-то подобного и требовало телевидение страны восходящего Солнца. Пылких и запоминающихся сценических образов, колоритных и нестандартных обликов. Таких было много, и недостаточно выделяющиеся люди просто-напросто тонули в тени тех, кто был лучше.

Что может быть для среднестатистического обывателя лучше, чем милый младший братик и его по-забавному напыщенная, но всё ещё невероятно добрая старшая сестрёнка? Чего-то такого красочного и требовала уставшая душа обычного офисного работника Японии! Живой красоты, эмоциональной мимики. Им хотелось чуда, не серости! Самой настоящей сказки, в которую всё-таки, пусть и на всего лишь миг, но возможно будет поверить.

- Давай теперь всегда будем брать только Йуми, сестрёнка! – Мальчик приподнялся, повернулся и закинул свои белоснежные гладкие руки на плечи девушки, через мгновение обняв её. – Ха-ха-ха!

Завораживающий детский залиvistый смех, точно прекрасный жидкий хрусталь, разлился по всему помещению. В гостиной комнате забегали солнечные зайчики, когда красавица обняла мальчишку в ответ, добро улыбнувшись, пока тот не видел.

Раздался щелчок чёрно-белой хлопушки, предмета, имеющегося у любой студии для съёмок. Комацу Анзу тут же перестала смеяться, но сохраняла на губах прежнюю улыбку. С её щёк быстро сошёл красный цвет. Словно самая обычная девушка, имеющая представление о том, как ведут себя нормальные люди.

- Стоп, снято! Комацу-сан, Тога-кун, молодцы! С первого дубля, великолепно! – Довольный мужской голос последовал вслед за хлопком.

Тога Доума отстранился от знакомой, прыгивая с её колен. Он сделал два шага назад, но всё так же продолжал мило и удовлетворённо улыбаться, как будто добился в этой жизни всего, чего только когда-либо хотел. Пока обладательница белых роскошных волос поднималась с дивана, одновременно с этим поправляя помятую юбку, ребёнок обернулся к режиссёру этих рекламных съёмок.

- Рума-сан, большое спасибо за проделанную вами работу! – Паренёк улыбался во все тридцать два зуба, при этом умудряясь вызывать своими четырьмя острейшими клыками не опаску, но симпатию. – До сих пор не могу поверить, что люди так сильно любят меня! Неужели я и правда могу приносить им столько радости?

- Твоя скромность придаёт тебе шарма, женщины постарше будут определённо без ума от тебя. Это талант, Тога-кун, развивай его. – Важно произнесё эти слова, мужчина для наглядности приподнял указательный палец вверх. – Семья Комацу не будет иметь дел с посредственностями, не упустит этот шанс.

- Да, я приложу все свои усилия для того, чтобы никого не разочаровать, Рума-сан. – Мальчишка, создавалось впечатление, своими интонациями, выражением лица и яркой улыбкой создавал вокруг себя атмосферу счастья и покоя, в некотором роде этот эффект даже казался сверхъестественным. – В конце концов это мой долг, я обязан дарить людям хорошее настроение и скрашивать их печали. Я отдам этому миру всё добро, которое есть внутри меня, пускай оно сделает его лучше!

Этот ребёнок привлекал к себе так много внимания, что никто и не заметил, как сильно сморщилась Комацу Анзу, точно, хорошенько разжевав, проглотила лимон прямо с цедрой. Она была единственной из присутствующих, да и, вероятно, во всём мире, кто не верил в этот облик. Бывшая шестая Высшая Луна не верила в образ своего знакомого ни на секунду, она запомнила это существо, как нечто абсолютно апатичное и отмороженное, которое двигалось лишь из-за какой-то неведомой инерции.

Монстр без стыда, совести, чести и эмоций мог произносить и говорить практически всё, что угодно, и почти всё из сказанного было бы полной ложью. Доума нагло лгал, врал много и делал это порой без какой-либо объективной причины. Он понимал, что каждый из организации Бесовской Дюжины имел представление о его подлинной натуре, однако всё равно продолжал корчить из себя сердечного добряка, что питал ко всем своим «товарищам» исключительно только положительные эмоции.

Но для тех, кто не был осведомлён о деяниях этого жестокого и кровавого людоеда, он оставался самым милосердным, добрым, порядочным и светлым человеком из всех, что когда-либо рождались. Устрашающий демон с ледяным сердцем и медовым лицом. Будто пчёлы, люди тянулись к нему, даже и не предполагая, что сами ползут к подлому и жестокому хищнику, беспощадному шершню...

Мамору сохранял несколько угрюмую физиономию, когда искоса смотрел на изображение добродушного сребровласого мальчика в салонном зеркале. Ему очень сильно хотелось ляпнуть тому что-нибудь нехорошее, но инструкции по поводу поведения рядом с этим нежеланным пассажиром он получил весьма чёткие и хорошо очерченные.

Уж слишком его огорчал нездоровый вид младшей сестры, которую он так ценил и оберегал. Она была для него подобна нежному цветку, неприкосновенной орхидее. Видеть её столь печальной для него было едва ли не физически больно, большую часть своей подростковой жизни он защищал её от надоедливых ухажёров и фанатов, всё-таки не везде могла её оберегать личная охрана.

Но затем в их мирной, без особых волнений, жизни появился этот... Сопляк? Мамору затруднялся сказать точно, кем являлся этот индивид. Вёл тот себя совсем не по-детски, будучи чрезмерно, как-то подозрительно для Комацу-старшего лично, добродушным, правильным, мягким, порядочным. Идеальным. Как на него не посмотри, всё в нём было правильно и слащаво: внешность, манеры, поведение, характер.

А ещё Мамору испытывал рядом с ним какую-то подсознательную, даже рефлекторную тревогу. При первой встрече с этим мальчиком ему очень сильно, противостоительно сильно, захотелось применить свою причуду и изрезать этого ребёнка к чёртовой матери. Да, молодой парень отличался вспыльчивостью с самого детства, но отнюдь не такой выраженной.

- Комацу-сан, неужели я настолько непригляден? Почему в вашем взгляде столько неприязни?
- Видимо погрузнев, спросил Тога Доума. - Знаете, мне очень хочется стать вашим другом. С вашей дорогой сестрой, например, я уже успел подружиться, ха-ха!

Мамору лишь крепче сжал руль, но промолчал. Его младшая родственница едва заметно вздрогнула. Похоже, прекращать общаться этот маленький «человек» даже и не собирался.

Комацу Мамору очень жалел о том, что с этим наглецом хотел поговорить лично председатель Komatsu Group, фактический лидер главной ветви семьи Комацу...

<http://tl.rulate.ru/book/70221/2862820>